

<sup>4</sup> Die Matrikel der Universität Graz / bearbeitet von J. Andritsch. Bd. 1: 1586–1630. Graz, 1977.

<sup>5</sup> *Matricula univeristatis Tyrnaviensis 1635–1701* / szerk. A. Zsoldos. Buda, 1990.

<sup>6</sup> *Krones F.* Geschichte der Karl-Franzens Universität in Graz. Graz, 1886. S. 279–280; *Pörtner R.* The Counter-Reformation in Central Europe: Styria 1580–1630. Oxford, 2001. P. 117–130.

<sup>7</sup> *Evans R.J.W.* The making of the Habsburg monarchy: 1550–1700: An Interpretation. Oxford, 1979. P. 114.

<sup>8</sup> *Csepregi Z.* Sprachliche und ethnische Verhältnisse in Ungarns Lutherum an der Wende vom 16. zum 17. Jahrhundert // *Hungarian Studies*. N 31 (1). 2017. S. 77–78.

<sup>9</sup> *Matricula univeristatis...* 15. old.

<sup>10</sup> *Ibid.* 6. old.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.03

**«Зело пристрашно...»:  
страх и родственные ему чувства  
на страницах источника XVII столетия**

*Арсений Владимирович Богатырев*, независимый исследователь, Тольятти, Российская Федерация;  
e-mail: sob1676@yandex.ru

*Ключевые слова:* эмоциональная жизнь; тревожные состояния; Московское царство; Речь Посполитая; дипломатическая документация; В.М. Тяпкин

**“Very scary...”: Fear and Related Feelings  
on the Pages of the Source  
of the Seventeenth Century**

*Arseniy V. Bogatyrev*, independent researcher, Tolyatti, Russian Federation; e-mail: sob1676@yandex.ru

*Keywords:* emotional life; anxiety states; Muscovy; Polish-Lithuanian Commonwealth; diplomatic documentation; Vasily M. Tyapkin

Без сомнения, страх сопутствовал человечеству во все времена. В данном исследовании предпринята попытка изучить проявления этой эмоции и сходных с ней состояний на материале документов дипломатической миссии В.М. Тяпкина в Речи Посполитой 1673–1677 гг.<sup>1</sup> Это позволит лучше понять особенности мировосприятия человека того времени, постичь отдельные «границы» его внутреннего микрокосма.

Эмоциональные переживания прошлых поколений уже становились предметом литературоведческих и исторических наблюдений<sup>2</sup>, недавно антропологическому аспекту «пугающего» была посвящена конференция — феномен вновь рассматривался не без привлечения примеров из древнерусской литературы<sup>3</sup>. Донесения Тяпкина, конечно, достаточно известны<sup>4</sup>, но с данных позиций памятник еще не подвергали анализу. Отчет (статейный список), письма дипломата к московскому начальству о происходящем в Польско-Литовском государстве и за его границами предлагают читателю немало напряженных сцен, проскальзывал между участниками событий и страх.

Трепет знаком персонажу древнерусской письменной культуры, распознавался как один из основных «цветов» чувственного «спектра»<sup>5</sup>. В разбираемом источнике довольно четко разграничивается страх в душевном настрое самого резидента и страх в эмоциях иных людей. Тяпкин избегает применять слово «страх» по отношению к себе, предпочитая разоблачать его в действиях других. Анализ материалов показал, что «страшные» эпитеты часто попадают в текстах 1674–1675 гг. Одно из объяснений этому находим в судьбоносном событии в истории Польши — выборах (1674 г.) нового монарха в соответствии с традициями шляхетской «вольности».

Разнообразие средств лингвистического описания страха указывает на его распространенность, важность для автора, его современников («настрашили», «пристрашно», «страхование», «страшить», «устраша») <sup>6</sup>. Некоторые из перечисленных

слов нашли отражение в специальной литературе<sup>7</sup>. Также присутствуют обозначения сходных состояний — «опасаяся», «опасно», «стережемся», «тревожатца», «ужасатся»<sup>8</sup>. Тяпкин разделяет «страх» и «ужас»<sup>9</sup>, степень страха имеет «градацию»: дабы подчеркнуть его силу, в источнике используются уточнения «великий» и «зело»<sup>10</sup>. «Страшный» соседствует у дипломата с «немилосердным»<sup>11</sup>, связан с жестокостью, безжалостностью. При этом «боятца» применяется и в негативном смысле, и как синоним «уважать», «почитать» (например, Бога)<sup>12</sup>.

Исходя из документов Тяпкина, можем вычленить триггеры «страшного»:

— «Сверхъестественные» проявления (с осторожностью отнесем сюда и боязнь стихийных природных явлений<sup>13</sup>). К «сумнениям» подталкивали «дурные знамения», считавшиеся «буревестниками» тяжких испытаний. Подобное характеризует переломные моменты: в России второй половины — конца XVII в. внимательно присматривались к знакам, под влиянием страха объясняли их с негативных позиций<sup>14</sup>. Боялись не только «непознанного / таинственного»<sup>15</sup>, «неопределенного», но и вполне однозначно трактуемых зловещих манифестаций, того, что они влекли за собой. Смущало и вмешательство «иных сил», не связанное явно с предзнаменованиями (эпизод с говорящей головой)<sup>16</sup>. Нередко страх не имеет выраженного объекта, близок экзистенциальной тревоге<sup>17</sup>. Для Тяпкина, как, надо думать, верующего человека, сохраняло актуальность понятие «страх Божий»<sup>18</sup>.

— Война и ее тяготы. Польско-турецкий конфликт 70-х гг. XVII в. создавал ситуации, выводившие из душевного равновесия и вызывавшие дрожь. Горожан испытывали на прочность осады «с жестоким приступом», карательные акции, голод, мор — страх перед так и названной «страшной» смертью<sup>19</sup>. Если использовать терминологию Т.А. Гавриловой, мы видим витальный («как бы не разбили»), интраперсональный (боязнь «пропасть напрасно»)

и интерперсональный («страх расставания с близкими») уровни негативной эмоции<sup>20</sup>. Тяпкин уже не столь крепок в вере, не столь уверен в божественном промысле (который защитит от всего), как, например, древнерусский книжник<sup>21</sup>.

— Произвол со стороны правителя, что особенно актуально для польских магнатов и шляхты, чьи настроения выразил резидент. Можно считать специфической особенностью «вольного» шляхетского общества, подмеченной «москвитом». Через него как будто доносится эхо Смуты, когда И. Тимофеев увязывал страх Бориса Годунова перед Лжедмитрием с нелегитимностью первого<sup>22</sup>. Вступивший на престол в 1674 г. король Ян III Собеский (по высказыванию резидента, захвативший престол<sup>23</sup>) вызывал опасения, боялись укрепления власти государя вопреки иллюзорной «золотой вольности». Тут же Тяпкин показывает, как страх используется политиками в качестве инструмента достижения целей<sup>24</sup>.

— Ответственность за «высокое» поручение. Не выявляется в житийной литературе<sup>25</sup>, указанную категорию тревог допустимо расценивать как своеобразное «новшество». Этот страх присущ Тяпкину, которого мучила мысль «ростерять»<sup>26</sup> царские дела, испортить «имидж» России (из-за действий определенных дипломатов<sup>27</sup>). В такую разновидность эмоции очевидно вкладывалось положительное смысловое содержание, такое беспокойство говорило о старательности исполнителя.

Можно выделить и иные побудительные мотивы страха, но ограничимся вышеперечисленным. Заметно, что гораздо сильнее, нежели «аномальные» явления, страшили индивида вполне земные трагедии, страх перед войной, властью и другим периодически затмевал все остальное.

Источник помогает разобраться, какие формы выражения принимал страх. Он мог вылиться в паническое бегство, изменить внешность, превратить в «безсловесное животное»<sup>28</sup>, заставлял пойти на отчаянные шаги, поступиться

принципами. В целом дипломат больше регистрирует внешние проявления переживания, нежели внутренние трансформации: примеры духовного плана, которые явлены в некоторых сочинениях XVII столетия<sup>29</sup>, здесь сравнительно редки. Во многих случаях у Тяпкина находит отражение не страх индивидуальный, но его коллективная ипостась — мы видим страх, охватывающий массы; целые города, контингенты крепостей ввергнуты в трепет<sup>30</sup>.

Всеобъемлющий характер страха виден из перечисленных Тяпкиным категорий населения, которые, на его взгляд, нередко ему поддавались: магнатерия, особо влиятельные круги; жители городов (мещане); шляхта и хлопы, пополнявшие ряды воинов, жолнеров. Обличая растерянность последних, Тяпкин дает оценку: бегство с полей сражений он считает «срамотным»<sup>31</sup>, изображает его в комичном, едко-сатирическом ключе.

Противоположный боязни смысл несут встречающиеся у Тяпкина «мужественность», «смелость», «храбрость»<sup>32</sup>. Причем понятию «храбрость» автор нередко придает ироническую окраску, насмехаясь, например, над «удальими» проделками московского гонца Максима Бурцова или коря за самонадеянность польских «рыцарей».

Преодоление страха, отраженное в слове «храбрость», ведет к победе, которая сопутствует подобного склада героям, дает возможность «чюдо поистинне сотворить»<sup>33</sup>. Чаще всего такими добродетелями наделялся в приведенных Тяпкиным документах пропагандистского толка непосредственно Ян III. Доблесть оказывается присущей не только человеческому существу, но и неодушевленным предметам. Довольно необычно приложение подобного к частям тела — для нашего времени странно звучит сочетание «мужественная рука»<sup>34</sup>.

Историография «трепетного» в сказаниях, «хождениях», описаниях паломничеств, публицистике существует, но страх утвердился и в разбираемых нами «делопроизводственных»

текстах 70-х гг. XVII в. Иногда вставая на острие трагического / комического, «страшное» подчиняет себе как русского, так и поляка; как главенствующего, так и «рядового». Оно многолико и многозначно, с ним сложно бороться — приходится принимать, облекать в слова и наделять эпитетами. Причины «пугающего» разнообразны, его воздействие велико, оставляя след в поступках начальственных людей. От несущего дрожь практически нет спасения, оно неотступно следует за современником: вопреки нынешним представлениям, страх часто заставлял не в каком-то отдаленном глухом месте, а при массовом стечении народа и в ярком свете дня.

## Примечания

<sup>1</sup> Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а, 161, 163, 164, 166, 178, 182.

<sup>2</sup> *Аллатов С.В., Шамин С.М.* Радость в жизни русских князей и дружины (X–XIV вв.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2013. Вып. 3. С. 89–93; *Zolina P.* Феномен страха в русской литературе. Vrnо, 2015; *Травников С.Н., Ольшевская Л.А., Решетова А.А.* «И нападе на нихъ страхъ...»: эмоция страха в древнерусской паломнической литературе // Эмоция и жест: визуальные репрезентации эмоциональных состояний. Международная конференция (Москва, РГГУ, 13–15 декабря 2018 г.). URL: <https://www.rsuh.ru/upload/press/Програм-ма%20NEW.pdf> (дата обращения: 04.04.2020); *Попович А.И.* «Болезнь сердца» в «Сказании о Борисе и Глебе»: эмоциональный аспект жертвенной модели поведения // Вопросы всеобщей истории. 2018. № 20. С. 159–166.

<sup>3</sup> Антропология страха. IV Ежегодная конференция в рамках совместного проекта издательства Новое литературное обозрение и Европейского университета «Антропологизация гуманитарных и социальных наук». СПб., 17–18 мая 2019. URL: [https://eusp.org/sites/default/files/archive/et\\_dep/Antopology\\_of\\_Fear/Anthropology\\_of\\_Fear\\_2019-program\\_160519.pdf](https://eusp.org/sites/default/files/archive/et_dep/Antopology_of_Fear/Anthropology_of_Fear_2019-program_160519.pdf) (дата обращения: 14.02.2020).

<sup>4</sup> Среди последних примеров: *Флоря Б.Н.* О русско-австрийских политических контактах в 70-х гг. XVII в. // Исторические записки. М., 2019. Вып. 18 (136). С. 49–55; *Богатырев А.В.* К предьстории нововведений в российском погребальном церемониале (В.М. Тяпкин на похоронах

Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 7–22.

<sup>5</sup> Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 50.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 433, 478 об.; Д. 164. Л. 15 об., 74 и др.; Богатырев А.В. Некоторые дополнения и уточнения к Словарю русского языка XI–XVII вв. // *Slavia Orientalis*. 2015. Т. LXIV/3. С. 584; *Он же*. Два «Михаила архангела» против «Иоанна предтечи»: неординарный русский перевод XVII в. // *Таинство слова и образа: сб. матер. научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии памяти проф. МДА М.М. Дунаева / отв. ред. В.М. Кириллин, Д. Барицкий, С. Пантелеев*. М., 2017. С. 214.

<sup>7</sup> Гамаюнова Ю.И. Историко-этимологическое исследование названий эмоций в русском языке XI–XVII вв. (семантический и лингвокультурологический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. С. 39–48.

<sup>8</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 383 об., 432; Д. 163. Л. 7, 91 об.; Д. 178. Л. 60 об.; Богатырев А.В. Польский город последней четверти XVII в. глазами русского дипломата // *Вектор науки ТГУ*. 2011. № 2 (16). С. 203.

<sup>9</sup> Гришин А.А. Феномен ужаса: этико-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2015. С. 15.

<sup>10</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161. Л. 150; Д. 164. Л. 121 об.; Богатырев А.В. Два «Михаила архангела»... С. 214.

<sup>11</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 479 об.

<sup>12</sup> Там же. Д. 178. Л. 25.

<sup>13</sup> Черкасова А.И. «Колика беда им на море бысть страшна и неисповедима...» (маринистические описания в русских хождениях XII–XV вв.) // *Слово. Словесность. Словесник. Материалы межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов / отв. ред. А.А. Решетова, Т.В. Федосеева*. Рязань, 2016. С. 122–125.

<sup>14</sup> Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 474–475.

<sup>15</sup> Мишина Л.Н., Осипова А.А., Франчук О.В. К вопросу о работе с текстами древнерусских житий в средней школе // *Перспективы науки и образования*. 2018. № 6 (36). С. 170.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 523; Иванов П.И. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 311.

<sup>17</sup> Богатырев А.В. По мистическим местам Речи Посполитой вместе с русским дипломатом XVII в. // *Север*. 2013. № 7–8. С. 207; Тиллих П.

Патологическая тревога, витальность и мужество // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 2. URL: [https://psyjournals.ru/files/25664/mpj\\_1994\\_n2\\_Tillich.pdf](https://psyjournals.ru/files/25664/mpj_1994_n2_Tillich.pdf) (дата обращения: 13.02.2020).

<sup>18</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 493; *Богатырев А.В.* Новое свидетельство о смерти каменецкого кастеляна Павла Потоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 79.

<sup>19</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30 об.; Д. 182. Л. 2 об.; *Туфанова О.А.* Творчество Аввакума: поэтика трагического // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. Ф.С. Капица. М., 2010. Сб. 14. С. 125; *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2011. С. 22.

<sup>20</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 54 об.; Д. 164. Л. 121 об., 141; *Баканова А.А.* Системное описание страха смерти // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 17.

<sup>21</sup> *Федотова М.С.* Позиция редактора в славянской рукописной традиции поучений Исаака Сирина XIV–XVI вв. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 355.

<sup>22</sup> *Михайлова Т.В., Михайлов А.В.* Семантика оценки и причины в двухчастных высказываниях с именным причастием в древнерусских текстах потестарной семантики XVI–XVII вв.: «внутренний мир/внешний мир» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 39.

<sup>23</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 103 об.–104.

<sup>24</sup> Там же. Л. 104, 499 об.

<sup>25</sup> *Мишина Л.Н., Осипова А.А., Франчук О.В.* К вопросу о работе с текстами древнерусских житий... С. 170.

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 141.

<sup>27</sup> *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. 6. Т. 11–12. С. 497.

<sup>28</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 460, 496 об.

<sup>29</sup> *Михайлова Т.В., Михайлов А.В.* Семантика оценки... С. 38–39.

<sup>30</sup> *Богатырев А.В.* Польский город... С. 203.

<sup>31</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 494 об.–496 об.; Д. 163. Л. 83 об., 139 об.

<sup>32</sup> Там же. Д. 161а. Л. 452, 469–469 об., 494 об.; Д. 163. Л. 29 об.; Д. 182. Л. 2, 38 об.

<sup>33</sup> Там же. Д. 163. Л. 31 об.

<sup>34</sup> Там же. Д. 166. Л. 424.